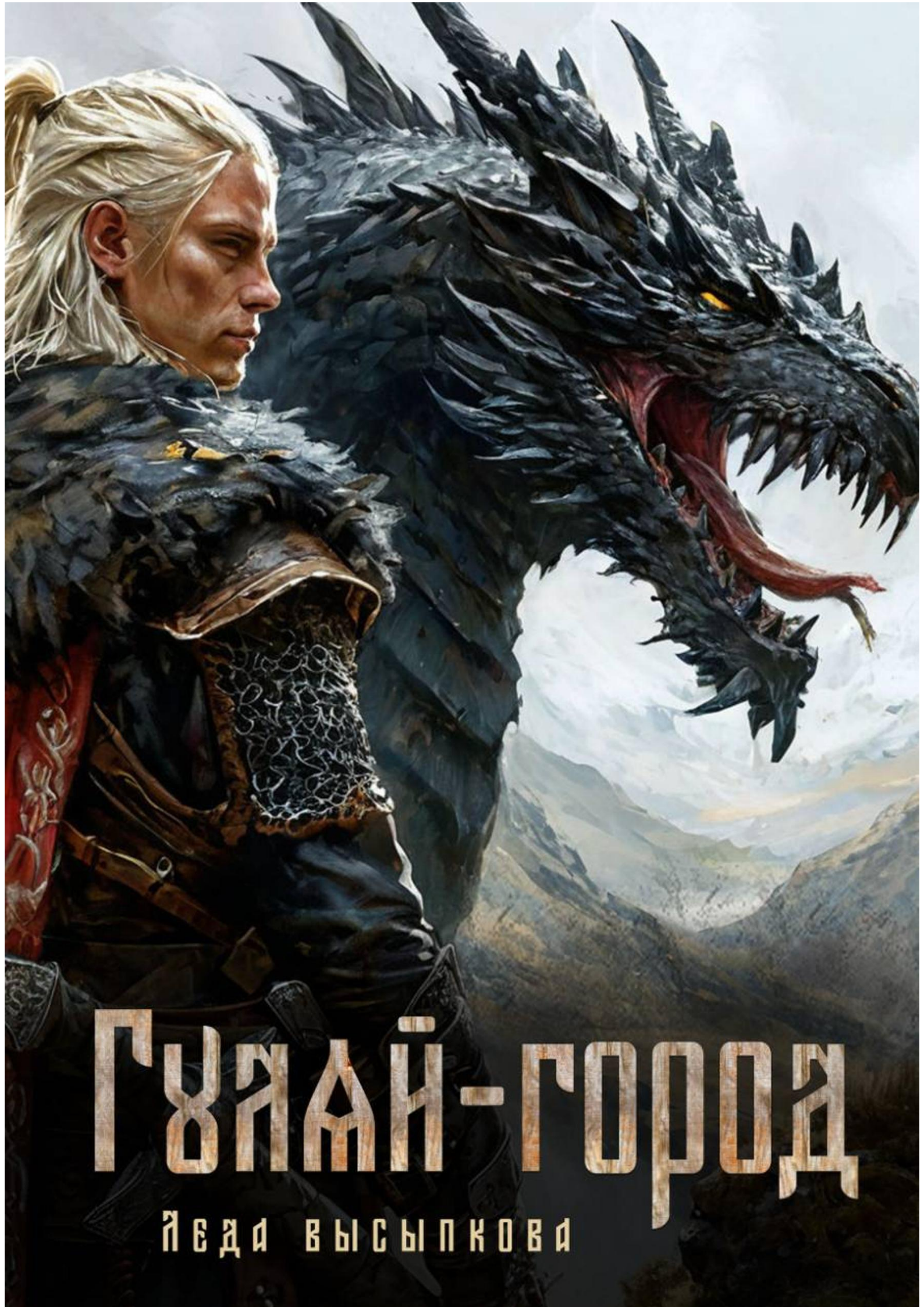

ГХЯЙ-ГОРОД

ЛЕДА ВЫСЫПКОВА

Леда Высыпкова

Гуляй-город

«Автор»

2026

Высыпкова Л.

Гуляй-город / Л. Высыпкова — «Автор», 2026

Верша Гейзер будущий король нескольких племён. Он из вежливости рассылает дальним союзникам приглашения на свою коронацию и очень надеется получить отказы. И действительно все отказываются. Кроме демонов. Их не смутила дальняя дорога и неудобства, ну а в подарок везут какую-то закрытую телегу. Это катастрофа. На пороге зима, запасов не так много, вооружённые до зубов соседи норовят разрушить шаткий мир. Изобразить процветание и благополучие точно не удастся, а что на уме у демонов неизвестно. Тем временем скромная делегация из троих приятелей не подозревает, что может нагнать столько страху.

© Высыпкова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Пролог	5
Новый дом	6
Шип	11
Тави	16
Щенки	21
Три предложения	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Гуляй-город

Часть 1. Пролог

Шёпот заклятий и пророчеств доносился из каждого уголка храма. Дым кадилъниц стекал на пол и плыл над антрацитовыми плитами, усыпанными пеплом. В нём тонули стопы служительниц, передвигающихся бесшумно от одних своих дел, размеренных и тайных, к другим. Иногда жрицы чувствовали сквозь горячий пол биение сердца титаниды, дремавшей глубоко в недрах. Её сознание порождало сны, говорившие о будущем или толковавшие настоящее. Служительницы ловили эти сны, запоминали и передавали наружу, где кипела жизнь и пылал свет звёзд, где царили праздные разговоры, развлечения, войны, где жили все те, чьи имена повторяли в молитвах, дабы Она не забывала своих чад. Ни одного из них.

В одном из тупиков храма-лабиринта, среди таинственных ширм и завес, жрица-мачеха наклонилась над большой круглой корзиной, служившей теперь колыбелью. Она приподняла край своей алой вуали, скрывавшей лицо, и положила ладонь на бортик, стала мягко покачивать младенца. Сомнамбулическим тихим голосом жрица заговорила:

— Мальчик. Доледе. Родился совсем недавно. Вот ты и со мной! Да, это тебя я видела во снах все эти дни. Даже запах... Даже запах тот же.

Серые веки-плёнки поднялись в её глазах снизу вверх почти до самых ресниц, скрыв двойные зрачки.

— Кажется, нам не нужна будет кормилица, я справлюсь сама, до того ты славный... Ах, от крови грудь тяжела... Как же тебя назвать?

Один, два, три раза качнулась зыбка. Подумав, жрица продолжила:

— Есть древнее слово из первослов ящеров, оно значит «прикосновение». Dei. Да, так и следует тебя назвать. Ты как будто выбрал меня заранее, коснулся сквозь сон.

Жрица снова опустила вуаль. Теперь она накрывала обоих. Вот-вот ребёнок должен был поддаться инстинкту, сильнее которого только врождённая тяга к жизни.

— Ты — копьё, пущенное богами и уже пронзившее все восемь сущих миров, — заклинала ребёнка мачеха. — Сейчас в сильной точке созвездие Кворум, в слабой — Корпус. Судьба подарит тебе сокровище в виде друзей. Но она хочет взамен твоё тело. Не беда. Лишь бы ты берёгся от войны и всего, что связано с ней.

Рядом слышались тихие шаги. Жрица почувствовала укол испуга: младенца у неё сразу заберут, если связь не прорастёт в обоих.

Ребёнок медленно открыл глаза. Он перестал дышать и провалился в бездну инстинкта. Всё, что он запомнит — нежные захлёстывающие волны разноцветных искр и бесконечную любовь, похожую на прикосновение мягкого доброго облака.

— Вы опоздали! — выдохнула с облегчением жрица, когда её взяли за плечо.

Новый дом

Тартар впустил своих воинов после долгого и многотрудного похода. Их сразу заметили у самой северной мембраны, разделявшей миры. На каждой сторожевой вышке вдоль тракта взвыли трубы, сообщая, что войско возвращается. Звук сначала слился в единый мощный гул, затем рассыпался сложной и торжественной мелодией.

У ворот чертога приостановились, ожидая разрешения войти парадом. Князь иной раз запрещал бряцать оружием, считая это лишним нарушением покоя в тылу. Но вскоре на стене появился запыхавшийся и нервный комендант, поклонился в пояс.

Легаты-темники велели своим тысячам построиться. Вспыхнула сумятица, но долго не продлилась. Войско вытянулось и тронулось вперёд ровным размеренным шагом, будто единый громадный механизм. От ярких рукавов инкубов, переливчатых тёмных плащей доледе, блеска доспешных накладок он весь пестрел и лязгал. Над головами извивались хвосты длинных узких флагов когорт и легионов.

За стеной глухо забили в барабаны. Хоть чувство ритма у демонов и без того было отменным, общий ориентир тоже пришёлся кстати. Заржали боевые рожки, выводя мотив старой песни, которую тут же загорланили на площади высыпавшие из Гиона-Доледэрте студенты и постоянные обитатели чертога.

Воевода Астерот заоборачивался, нахмурился. Бросил через плечо верным темникам:

— Похоже, боги в гостях. Дударей этих с собой притащили. Интересно, кто пожаловал.

Легат Дей Далестора пустил эка в красивый аллюр. Долговязый, осанистый он ехал сразу за воеводой. Доспех делал его ещё внушительнее, а пара длинных тяжёлых сабель, притороченных к седлу, хищно выгибалась в тёмных ножнах.

Как и все прочие, Дей наслаждался пряной тёплой темнотой, какой нет ни в одном из других миров. Ему казалось, лёгкие вдвое увеличились, наполняясь целительным воздухом родного края. Стоял сезон ленной засухи, когда сильное излучение звёзд высекало тонкие, такие родные ароматы из почвы, камня и скудной растительности.

Позади легата ехала Синора — воительница легиона "Смарагды". В ходе последнего наступления её поставили во главе центурии вместо убитого командира, и Синора смогла провести блестящий прорыв, оправдав все силы и средства, вложенные в её обучение. Взлетая по службе, демоны по древней неписаной традиции в конце похода снимали с себя всё, вплоть до мелких украшений, и ехали так до самой казармы. Там им выдавали новое, от белья до доспеха. Сам Далестора пережил такое некоторое время назад, когда ему пожаловали возглавить два легиона.

Синора схитрила и завернулась в остатки мешков, рассудив, что это не одежда. Она отдала все силы последним манёврам, слишком плохо спала накануне и чудовищно устала в дороге. Когда Дей пытался приободрить её, только вяло растягивала рот в улыбке.

Князь Люцифер принимал парад, стоя на высоком помосте. Мятежный, но любимый родич богов. По случаю высочайшего визита он, разумеется, облачился по их моде: в чёрную свиту до пят с алыми полосами-застёжками по груди. Ветерок качал узорчатые откидные рукава, заставляя их края порхать над грубо отёсанными деревянными плахами.

Рядом на резном морёном троне сидел его дядька — тёмный бог Мон в грубой железной короне, будто выпиленной из кипучей болотной крицы. Мон всегда смотрел на солдат одобрительно и приветливо. Никто так не набивает мощну богу смерти, как воины всех мастей.

Когда подошла очередь Дея салютовать своему повелителю, Люцифер уже отечески приобнимал принца, который что-то оживлённо рассказывал, совершенно не заботясь, слушают его или нет. Увидев легата, князь подозвал его жестом.

Пришлось спешиваться и вспоминать устав приветствий. Как-то не доводилось раньше легату приближаться к заезжим богам.

Мон сбил его с толку, опередив:

— Твоя милость!

— Владыка! — Дей едва заметно поклонился.

Зато, подойдя к Люциферу, он молча коснулся коленом пола.

— Не ранен? — сразу спросил князь.

— Никак нет, князь.

— Вот и славно, — Люцифер притянул ближе и приобнял легата свободной рукой. — Дам всё, что обещал.

— Нет необходимости... — Дей потупился.

Царственная рука на его плече будто стала вдруг тяжелее.

— Хочешь-не хочешь, принимай. Дом-крепость — не роскошь. Я хочу всегда знать, где ты находишься.

Спорить было некстати, но предлог звучал странно. Найти легата никогда не составляло затруднений, ведь он жил в своей нише в казарме, откуда было значительно ближе до библиотеки и трактира, чем из любого дома.

Принц Асмодей засуетился, снял с пояса маленькую связку кованых ключей.

— Потолок не течёт, винный погреб пустой, в купальне... сам увидишь, между прочим, скульптура полностью моей работы. В общем, всё в порядке, только оконные рамы кое-где нужно сменить, сквозят. Пол вроде чистый. А переехать я, собственно, решил из-за акустики, — продолжил принц, обращаясь уже к Мону. — Ну совсем никуда не годится. Не могу же я каждый день себе свободный зал в чертоге искать.

— Очень интересно, — безразлично бросил Мон.

Его взгляд кусал легата морозом сквозь слой стали, дублёной кожи, стёганой куртки. В тускло светившихся глазницах едва угадывались две белёсые точки. И обе заинтересованно подрагивали. Причина была веской: на вид Дей будто принадлежал сразу к двум демоническим расам. Слишком крепко сбитый для инкуба, он имел ровные и правильные черты лица, светлую алебастровую кожу вместо сизой, как полагалось доледе.

— Это ребёнок мой, — пояснил принц, кивнув на Дея. — Ну очень талантливый мальчишка.

Легат снова сдержался. Ложь. Но для гостя сойдёт.

— А-а-а! — просветлел бог смерти. — Вот оно что! Я думал, глаза меня обманывают или я вижу некую химеру, а не инкуба с редким талантом к войне. Что ж, от лица всего Старого Рая поздравляю с победой, твоя милость. Не сомневаюсь, такой щедрый подарок вполне заслужен. Дом — это... чуть больше, чем просто жилище. Я вообще-то редко свой покидаю, а тут решил порадовать племянничка. Ну-ну, езжай, негоже нам красть у тебя заслуженный отдых.

Слегка задетый разговором, Дей вернулся в седло.

Дом-крепость располагался в удобном месте, щеголял своей статью. Жить в таком Дей и не мечтал, хотя положение уже обязывало отселиться из казарм.

Заехав на холм, легат взглядом отыскал багровую черепичную крышу. Неужели теперь и сад, и купальня — всё будет его собственное?.. Желая уже расстаться с надоевшим доспехом, Дей нетерпеливо понукал эка, тот всхрапнул и побежал во весь опор к своему новому деннику.

Подле дома легат ступил на мощённую крупным камнем дорожку, которая вела к двери. Её совсем недавно подмели, в пыли по бокам остались следы прутьев. Фасад тоже был чист и щеголял свежей штукатуркой. Длинные узкие окна-бойницы на втором этаже шурились на нового хозяина. Дей понадеялся, что ему никогда не придётся выбивать их тонкое красное стекло, чтобы воспользоваться по назначению.

Ключ мягко провернулся в скважине, и дверь отворилась.

Оказавшись в холле нового жилища, Дей присвистнул. Принц оставил на стенах все свои картины, вся мебель тоже была на месте. Густая тишина тревожила. Внутри дом казался слишком большим, гулким и холодным.

«Как же я тут буду один?» — спросил себя легат и поёжился.

Но выучка подсказывала поменьше рассуждать и побольше делать, что полагается. А полагалось перво-наперво развести огонь. Сухие дрова, взятые из подставки у жерла камина, быстро занялись. Вид пламени успокаивал. Огонь — лучший друг демону. Дей опустился на шёлковый ковёр, как перед костром. Кресла не казались удобными.

«Жаль, погреб пустой. Я бы сейчас успокоил нервы».

Вскоре легат захотел привести себя в порядок.

В полуподвале находилось прекрасное, идеально круглое озеро, посреди которого на постаменте возвышалась каменная статуя. Припав на колени, во всём величии своей священной наготы, мраморная жрица опускала на лицо вуаль. Проработана фигура была великолепно, от самых кончиков пальцев до прядей волос, стекавших к стопам. Лучшей аллегории воды Дею видеть ещё не приходилось. Даже с его еле живым чувством прекрасного и пренебрежением лично к принцу статуя восхищала.

На полке возле зеркала Дей обнаружил в кувшине состав для размягчения смолы и поспешил вылить его себе на голову. Жгуты пегих волос ослабли и расплелись. Мирная жизнь для легата всякий раз начиналась с этой блаженной свободы. Потом он устал от неё и ждал, когда снова при помощи смолы и капельки магии одним движением совьёт все пряди, перетянет их на затылке, и кожа на голове мучительно занеет. Волосы у демонов не отрастали слишком длинными, да и никто их не резал: можно было заработать что угодно, от бессонницы до сумасшествия. Они были рыбьей чешуёй, когтями ящера и перьями птицы.

В самом тёмном углу купальни Дей заметил обложенный камнями круг. Почва в нём посела и треснула, в середине покоился стебелёк с парой давно засохших цветков. Стало вдруг жаль его. Легат набрал воды из озера в ладони и напоил брошенного принцем питомца, решив, что оживить стебель уже не получится, но мелкие семена могли попасть в почву и шанс у них есть. Ростки будут напоминать о том, сколько он уже провёл в доме.

Чёрный гамбезон остался коробиться на зелёном мху вместе с ворохом прочей одежды. Прозрачная, спокойная вода так и звала в свои объятия.

Выдохнув и опустившись на дно озера, Дей немного полежал на песке без дыхания. Сквозь воду светились мелкие грибы, покрывавшие мох берегов. Не верилось, что теперь ему принадлежало здесь всё от этих мелких очагов жизни до несущих стен. Мальчишка в нём дрожал от восторга и гордости, Дей не мешал ему захлёбываться чувствами.

Когда Дей решил вернуться на поверхность, прямо перед ним свисла с перекрытий потолка лиана. На стебле вздулась гранёная коробочка, в считанные секунды лопнула и вывернулась, превратившись в ноздреватую губку.

Скромный засохший стебель после полива не только моментально ожил, но ещё и вытянулся, цепляясь за стену и балки. И даже это было не главное. Растение оказалось разумным!

— Спасибо, — усмехнулся Дей. — А я уж было подумал, что ты погиб.

Он осторожно сорвал губку и погрузил в воду.

— У тебя нет голоса, так? Наверное, я должен купить преобразователь. А какого ты пола?

На лозе с деликатным шорохом раскрылся яркий цветок, вытянул лепестки, показал тёмный овал зева.

Выбор принца был предсказуем.

— Ясно. Так даже интереснее! Обойдёмся без техники.

Хотелось сделать в шикарной гостиной что-нибудь страшно непочтительное. Разлить вино, подрасть, уснуть на полу. В конце концов, позвать подруг. Дею казалось, это поможет

дому с ним срастись. Когда не знаешь, что где лежит и сколько стоит, живёшь будто в гостях. По многочисленным свидетельствам, пирушки принца в этих стенах славились от Войсы до самого Аске-Тарану. Стоило ли продолжать традицию?

Вытянувшись перед огнём, Дей понял, что его мысли, оставленные в мирной жизни, возвращаются. Он так и не нашёл ответов на свои вопросы и готов был продолжать искать.

Перед началом военного похода Дей наведлся к аббатисе храма, знавшей его лучше, чем кто бы то ни было. Так вышло, что именно она смывала с него кровь неизвестной матери, кормила его грудью. После им пришлось расстаться. Но лишь на время — как только подошёл возраст, аббатису определили ему в наставники.

Дея уже не первый цикл грызло странное чувство неопределённости. Раньше он не задумывался, ради чего живёт, теперь этот нелепый вопрос мешал ему сосредоточиться на повседневных делах.

Аббатиса слушала его, лёжа на оттоманке и вытянув длинные ноги под слоями алого шёлка, облепившего всю её фигуру. Нагромождение ширм с древними вышивками и росписью отделяли её закуток от остального храма. Пепел на антрацитовом полу был весь в её следах.

— Ты просто живёшь, и всё, — медленно говорила она. — Кто-то родил тебя, заковал в тело, не спрашивая разрешения. Твоя задача — жить счастливо и не терять достоинства.

— Кто-то, — Дей опустил голову. — Почему ты не хочешь рассказать, кто? Я ведь всё равно узнаю, если захочу.

— Во-первых, принёсшая тебя в храм могла и не быть твоей матерью. Во-вторых, если она ею была, я не имею права назвать имени или даже описать её.

— Я как былинка, которую носит ветер, — раздражённо продолжал легат.

— Возможно, ты созрел для семьи, Дей Далестора.

— Было бы с кем её создавать.

— Хочешь, я напишу гроссмейстеру «Астролабона»? — пожала плечами аббатиса. — Он вычислит по звёздам, кто из женщин тебе подойдёт.

— Я не хочу так, из прагматизма. И не уверен, что смогу дать то, чего от меня ждут.

— Твоё сердце не готово. Понимаю. Смысл жизни, предназначение... Такие мысли не приходят разумным существам в добрый час. Тебя что-то гложет. Устал быть любимой игрушкой князя?

— Нет, такое не надоедает, уж слишком я честолюбивый.

— Надоело воевать?

— Нет, — Дей покачал головой без особых раздумий, — я привык.

— Хм. Поразмысли над этим. И ты постарайся.

Лёжа на ковре у огня, Дей честно старался, но ничего не выходило. У него получилось только превратить свои чувства в слова: надвигается какая-то огромная перемена, а он не примет правильных решений, потому что знает о себе слишком мало. Жрицу легат понимал. В конце концов, тайна его рождения принадлежала не ему одному. С какой же стороны стоило начать распутывать клубок воспоминаний? Возможно, разумнее было бы с того поворотного момента, но тяжёлый день не оставил сил погрузиться в себя так глубоко. Всё, что он смог — до мелочей вспомнить, как колко сияла в тот злополучный день звезда Иттрима.

Когда разошлась большая часть войска, увлекши за собой громкого и неугомонного Асмодея, Люцифер с Моном остались одни. Не хватало только златоглазого Вила, второго дядьки, любившего такую компанию, но тот снова блуждал где-то в неведомых морях на своей чудесной ладье.

Мон закинул ногу на ногу и, разглядывая носок тёмно-синего сафьянового сапога, протянул:

— Не оце-е-енят. Опять не оценят в мирах вашей победы. Ваших трудов... Тоже мне, местечко выбрал для резиденции. С Мёртвой Сестрой по соседству! Видать, каждый цикл вот так отбиваешься. А другие и рады, даже нормальной армии нет ни у кого. Ни у Тау, ни у Арцинии. Чего им бояться? Прорвётся враг — весь удар на себя твой Тартар примет, а ты у нас... — Мон одобрительно улыбнулся, — не из робких.

— Я-то не стальной, — пожал плечами Люцифер. — И дети тоже, а вот моя Лилит беспорядка не потерпит. Ещё на границах сотрёт всё живое с лица земли. Но если звёзды сойдутся нежелательным образом... За этим я и завёл заставы. За этим и воспитал Астерот защитников. Не всё же за материнский подол хвататься.

— Интересно тут у тебя всё устроено, — задумчиво проговорил Мон, — мне нравится.

Бог смерти посмотрел на племянника, обратив к нему бледное лицо, испускавшее мягкий фосфорический свет.

— Чего хочешь за услугу, дядя? — перешёл к делу князь, оперевшись на широкий подлокотник. — Мы ведь здесь ради этого разговора, так?

— Как обычно.

— И всё? Уверен?

— Много ли мне надо! — сверкнул бог мертвенным взглядом, — считай, Старый Рай не в стороне от общих бед. Обуздать Мёртвую пока даже я не в силах. Уж прости, нам некого дать. То ли герои умирать перестали, то ли перевелись. Ты наш общий защитник, так и делай дело. А солдатиков, которые особо нужны тебе, я не приберу.

— Сегодня ты видел всех легатов, кто мне нужен. Особенно Дей Далестора должен оставаться в целостности и сохранности.

Мон поджал губы и с ласковой горечью предупредил:

— Много. Пойдут вопросы. Шутка ли — до седла разрубленный срастётся на глазах? А если голову снесут, а она снова на плечах появится, это как объяснить?

— Я решу, — отозвался Люцифер. — Не твоя забота.

Мон повёл тонкой бровью и обмяк на троне.

— Смотри сам.

Шип

Тартар воевал, сколько помнили себя все его разумные дети. Воевал сталью, магией, живой плотью. Он давал яростный отпор полчищам существ из других миров, и границы его ороговели. Там, где раньше свободно текли тонкие силы, объединяя вселенную, теперь зарубцевались мембраны. Словно осколки в теле, после чудовищных сражений в атмосфере зависли сгустки магии. Энергии в них осталось столь много, что они не рассасывались, а продолжали сиять и вступали в причудливые реакции с воздухом и влагой. И демоны называли их малыми звёздами.

Скала по имени Шип была ничем иным, как сталагмитом. Малая звезда Иттрима, застывшая над ним, на протяжении многих циклов таяла, истекала минеральным соком. Капли падали в одну и ту же точку, и в результате на этом месте вырос исполинский столб. Он был совершенно гладким, пока в нём не высекли серпантин широких ступеней.

Сделано это было из-за детей, а точнее, для них. Кто-то когда-то прыгнул со скалы, чтобы впервые испытать свои крылья. Поступок для демона-подростка отнюдь не безумный. Как катание на высокой карусели — страшно, но безопасно. Разумеется, всем ровесникам тут же захотелось повторить этот юношеский подвиг. Так действие превратилось в традицию посвящения, к нему со временем лишь прибавился некоторый надзор со стороны духовников и главных воспитателей.

В один из дней, благоприятных для посвящения, жрец повёл детей на вершину Шипа. Это был совсем тощий демон, волосы и глаза которого почти потеряли цвет, выгорели, словно ленточки на священных деревьях. На каждом шагу позвякивали привески на его тяжёлом поясе, надетом поверх мантии и табарда. За руку он держал девочку, которой исполнилось четырежды по три цикла, как и прочим детям в стайке. Иногда она поднимала к нему голову и задавала вопросы.

— А ты ведь тоже демон, да?

— Конечно, — прошелестел его сухой голос.

— А доледе или инкуб?

— Доледе.

— И я доледе. А почему так выглядишь?

— Так вышло, — пожал плечами жрец. — Зачем внешность, если я больше не личность?

Во мне, — он положил руку на плоскую грудь, — просто хранятся идеи.

Девочка почесала висок, пытаясь осмыслить сказанное.

За несколько часов пути дети обычно успевали привыкнуть к незнакомцу и доверялись ему. На привалах он садился вместе со всеми на ступени и тихо рассказывал о движении звёзд, о сменах эпох. Посвящаемые слушали, разглядывая его гладко выбритые виски, безмятежное лицо.

На пике скалы дети захотели утолить жажду и умыться перед прыжком. Там образовалось подобие чаши с жидкостью, которую источала звезда. Капли продолжали падать, и Шип тянулся в небо с тектонической скоростью.

— Ничего особенного не делайте в полёте. Всё произойдёт естественно. Не пытайтесь летать, только потеряете силы, а вам ещё учиться сегодня, — напомнил жрец.

— А я с утра отпросился на весь день, — ухмыльнулся мальчик в сером кителе.

По его виду можно было заключить, что он учится в Дэре — военном институте: значки выдавали отличника. Собранный, внимательный и спокойный, он первым подошёл к краю, поприветствовал кого-то внизу и тут же посторонился.

Жрец сделал несколько быстрых шагов и, оказавшись над пропастью, распахнул сильные крылья. Они без труда держали его в воздухе.

— Пора, ребята! За мной, во взрослую жизнь! — позвал он.

Тем временем недалеко от подножья Шипа осадил эка Астерот. Он обязан был присутствовать и прибыл точно вовремя. А вот второй наблюдатель задерживался. Впрочем, он всегда прилетал в последнюю секунду.

— Так, я успел! Отлично, — Асмодей натянул поводья, и его эк остановился, перебирая в пыли тонкими ногами.

— Между прочим, детям было бы обидно не увидеть тебя сегодня, — раздраженно проговорил Астерот.

— Кстати, сколько там моих? — вскинулся принц.

— Почти поровну инкубов, суккубов и доледе.

— Эх, — вздохнул Асмодей, — мне бы побольше терпения! И времени на тренировки. Не помню, когда в последний раз пользовался крыльями не как зонтом. Теперь, наверно, тоже взлечу только за счёт падения.

— Зря. Очень зря, — голос воеводы раздражённо звякал, — Они не раз меня спасали. А время ты тратишь, не сказать, чтоб разумно.

— Отдых — это разумно! — нахмурился отец инкубов. — Я тоже по горло в бумагах и разьездах. Тебя разозлил кто-то?

Асмодей подался вперёд, всматриваясь в мрачное лицо собеседника, на которое ветер бросал махагоновые пряди.

— Предчувствие, — отозвался Астерот, разглядывая фигурку ребёнка, машущую рукой. Он отсалютовал мальчику в ответ. Тот отошёл для разбега к остальным.

— Всё из-за недостатка сна. Не провалится твоя Дэра сквозь землю, если ты о ней забудешь на неде...

Асмодей осёкся, и беспечность мгновенно покинула его. Как в кошмарном сне, он увидел два десятка пар крыльев в воздухе, услышал, как вскрикнули девочки, покорив восходящие потоки воздуха, как загоготали мальчики, стараясь отлететь подальше или зависнуть над пропастью, а один из них отделился от общей стаи и беспомощным кулём падал со страшной высоты. Жрец заметил это, сложил крылья, ринулся вниз.

От столкновения с землёй тело мальчика чуть подскочило и вновь ударилось об острые камни. Жрец опоздал на несколько секунд. Он смягчил собственное падение, но поранил ладони и зашипел от боли, поднимаясь на ноги. Эки интендантов рванули с места в галоп. Асмодей, лёгкий и стремительный, первым оказался рядом и соскочил на чернеющий от крови песок.

Ребёнок издавал прерывистый предсмертный хрип, на его губах лопались пузырьки из смеси крови и слюны. Испугавшись, многие дети приземлились не совсем удачно, поразбивали коленки и с ужасом смотрели на несчастного, не смея приближаться.

— Ещё жив. Сердце не остановилось, — сказал Асмодей, прижав ухо к груди мальчика. Воевода не спешил покидать седло. Нехотя проговорил:

— Инкуб бы умер на подлёте. Впрочем, только мучения продлятся.

Жрец приблизился, хромая, положил ладонь мальчику на лоб. Кроме сочувствия он ничего не мог дать. Из последних сил ребёнок скосил уже бессмысленные глаза на воеводу. Астерот не выдержал этого взгляда и на несколько мгновений поднял серые веки, выдававшие в нём древнего ящера.

— Надо попробовать, — решился Асмодей. — Попытка не пытка. Уверен, что сестра уже в пути. Лишь бы не вспыхнул.

Пуговицы отлетели от грубого кителя и зазвенели между валунов. Добравшись до ран, Асмодей несколько раз выдохнул и со всей возможной осторожностью погрузил в них пальцы.

— Сейчас склеим назад. Сейчас мы тебя починим, — бормотал принц. — Немного полевой медицины... Жрец, иди ближе. Вытягивай боль. От неё тоже умирают. Вроде бы не так всё ужасно, но вот кровь... фонтаном бьёт.

— Только мучаешь. Оставь его, — усомнился Астерот.

— Меньше всего хотел бы доложить Люциферу, что мы угробили ребёнка на посвящении.

— Не мы, а жрец. Что у него с крыльями, почему не раскрылись? Ты куда смотрел, доходяга? Теперь и не выяснишь, все кости переломаны в кашу.

Перевернув мальчика на спину, Асмодей задрал ему рубашку и изучил узор пятен вдоль позвоночника.

— Совпадает с моими. Значит, кровь подойдёт. Я сначала отдам ему свою, затем придётся пересоздать, пока не умер.

— И что у тебя получится? Ты — не твой отец, чтобы чисто провести работу. Выйдет калека.

Асмодей за считанные секунды пришёл в ярость. Астероту не стоило беречь гордость принца.

— Сейчас сам увидишь, какие вещи я могу творить.

— Я тебе запрещаю идти на такое! Слышишь?

Шесть копыт быстрого эка выбивали барабанную дробь о камень — Леора принеслась из чертога, который находился совсем рядом. С братом Асмодеем у неё была непостижимая тонкая связь, да и многие события она предугадывала, поэтому наверняка бросилась на помощь, когда ничего ещё не случилось.

— Уже всё? — спросила она, задыхаясь от волнения.

— Нет, — ответил принц. — Но ребёнок на волоске, а мне тут кое-кто пытается помешать спасти его.

— Астерот? Да что с тобой!

— Ребёнок — воспитанник Дэры. И нам решать, жить ему или нет, — скрестил руки на широкой груди Астерот.

Его тёмно-серые глаза блеснули холодом.

— Вам?! — взорвалась Леора вслед за братом. — Ты — креатура, а не дитя. И все вы! Вы сделаны такими, а не рождены! Вам, ящерам, лишь пожалован облик! А не нравится — ползай дальше среди камней и только языком шевели вместо речи.

Астерот не отступал, но тут Леора воздела руки к звёздному небосводу, и вокруг неё со злым пороховым шипением вспыхнул круг магической печати, в который попал принц и пострадавший ребёнок. Воевода отпрянул, такая мощь была ему не по зубам. Какими бы славными воинами ни были доледе, суккубы и инкубы на пике ярости становились десятикратно сильнее, хоть и ненадолго.

Мальчик почти угас, и Асмодей решился на то, что ещё несколько минут назад казалось бы сумасшествием.

Первым чувством, посетившим Дея, стала свинцовая слабость. Очнувшись, он попробовал глубоко вдохнуть, и переломанные рёбра тут же резануло болью. Когда к нему вернулась память последних перед забытием секунд, он с ужасом стал гадать, насколько сильно пострадал.

«Моя голова должна была разбиться вдребезги. Но ведь я чем-то думаю».

Через некоторое время ему удалось повернуться на бок и рассмотреть помещение. В центре стоял стол со стульями, накрытый старым знаменем с обтрепанной вышивкой. А почти все стены состояли из чёрных зеркал. По углам пылились манекены с мундирами и доспехами

разных времён, все избыточно роскошные. Серебряная канитель потемнела, вышитый бархат сморщился. Кто же удостоился носить такое? Или это для театра?

Скрипнула балка, к которой был привязан плетёный гамак с кистями, и Дей встретился взглядом с принцем. Тот был немного не похож на себя, будто измождён.

— Надо же, ты уцелел. Уф-ф-ф.

— А где я?

— Святая святых, — заговорил отец инкубов привычным самодовольным тоном, — моя берлога в Келса. Как тебе походная кровать? Купил, да так и не воспользовался. Впервые разложил. Для перины ободрали пятьдесят мологанских лебедей. Якобы. Если жёстко лежать, то я с этих купчин сам шкуру спущу.

— Очень мягко. Как на облаке. Но я ведь мог испачкать всё кровью...

— Как будто мне для вас чего-то жалко. Жив остался — и радуйся.

«Для кого?» — удивился Дей, но спросить не посмел.

— Сколько здесь зеркал! Зачем?

— Для связи, у меня же тут и переговорная. Ну и зеркал не бывает слишком много, когда есть на что полюбоваться. Видел новый доспех из Тау? Поглощает удары, не колется ни магией, ни металлом, а сидит... Ну просто... Это надо видеть!

Дей убедился, что принц не смотрит на него, и скривился. Все инкубы — поганые смешные нарциссы. Ну как можно пялиться на себя самого?

Асмодей лениво опустил руку к полу, нашарил винную бутылку и сцапал её.

— Жаль, что ты для такого маловат. Ну, для выпивки. Лучшее лекарство. Я так выдохся, как будто самолично тебя рожал. Да ещё и имена наши так мило совпадают, ты будто часть меня. Судьба!

Смысл этих слов Дей даже не попытался понять. Он уже был озабочен тем, чтобы покинуть пристанище инкубов и вернуться в родную Дэру.

Дей с трудом приподнялся и сел, скрестив ноги.

— Я смогу уйти, как только мне станет лучше?

— Да, в моём логове ребёнку делать нечего, тут такое бывает, ха-ха! Вспомнить стыдно... — усмехнулся принц.

— Мой командир уже всё знает?

— Разумеется. Скоро познакомишься с ним.

— Но... Мы знакомы. Прости, принц, не понимаю.

Дей скосил глаза и вдруг увидел напротив себя в зеркале потрёпанного маленького инкуба. Перья пегих волос обрамляли лицо, на котором уже чуть заметно проступили вальяжные мужские черты. Он подумал, что зеркала начали транслировать кого-то из детей принца. Мальчик в отражении молчал и сидел неподвижно. Дей потянулся ощупать крыло — и незнакомец в зеркале повторил движение.

Это был кошмар, страшный сон, наваждение. Но в нём был привкус крови во рту, боль в теле и слишком много реальности. Пряди волос, поднесённые к глазам, и правда оказались в поперечную полоску, русо-ореховыми вместо серых.

Ещё несколько минут Дей в ужасе молчал. Если бы просто переменилась внешность, если бы его сильно изуродовало, если бы из него сделали ходячую машину или дали умереть, это даже отчасти не сравнилось бы с нынешней участью.

Память многое сохранила: страшное падение, мелькающие лица, всполохи злого, воющего пламени — ровно до момента, когда женский голос так беспомощно и отчаянно закричал: «Пожалуйста, остановись!»

Пересоздали. Как когда-то Люцифер пересоздал ящеров, населявших Тартар, чтобы те смогли развиваться дальше.

— Ты сделал меня инкубом!

— Горе-то какое! — передразнил Асмодей. — Я вообще им родился.

— Это же можно вернуть назад?

— Блинчик наполовину испёкся, — хохотнул принц.

— Но зачем? Я же столько учился, хотел служить в легионе! Как теперь я буду служить в легионе?!

— Легко и просто. Ты же в курсе, что армия не из одних доледе состоит.

— Это не то! — выкрикнул Дей, давясь слезами.

— ...Но если вдруг каким-то непостижимым образом поумнеешь, то бросишь эту мысль и освоишь действительно нужную профессию, — продолжил Асмодей. — Музыкант, художник. Инженер на худой конец. Есть мнение, что любителей ходить строем развелось чересчур много, и я с ним согласен.

— А я нет!

— Дей, включи мозги, — покосился принц. — Ты же умный ребёнок. Я тут узнавал про тебя... Корпус-Кворум — это не диада для воина. Ты рискуешь быстро умереть и...

Принц умолк. Его рассуждения явственно зашли в тупик. Одно из двух ключевых событий в жизни могло как раз остаться позади.

— И это уже случилось, — сам себе не слишком веря, продолжил Дей. — Значит, мне осталось найти друзей, чтобы сомкнулся Кворум.

— Друзей в военных походах ты будешь терять почти с той же скоростью, что и находить.

Принц тогда выбрался из своего лежбища и ушёл за врачом, оставив Дея приходить в себя.

Демонические дети поправляются быстро. Всего пара дней потребовалось на то, чтобы Дей встал на ноги. К нему то и дело заглядывали доктора, принц задавал им море вопросов, а когда они осматривали переломы и раны, стоял поодаль и до синяков сжимал себе запястья. Тогда Дей счёл это трусостью. Но когда он стал старше, то понял: дети не должны страдать. Видя такое, взрослые чувствуют себя беспомощными и бесконечно виноватыми.

В одну из ночей заглянула Леора. Дей узнал её даже сквозь дрему, но почему-то не поздоровался. Просто не смог, будто кто-то украл все его слова. Она смотрела ласково и долго, тоже ничего не говоря, но от этого присутствия в голове появились приятные мысли. И всё же они находились в тени самой огромной и досадной: Дей не мог понять, почему он упал. Никто никогда ни до него, ни после не падал с Шипа. В последствии жрец и воспитатель были оправданы, случай запомнили как несчастный, непредсказуемый.

От стыда и обиды на самого себя Дей так взялся за тренировки, что уже через несколько циклов легко взлетал с места, поднимал с собой в воздух на спор нескольких ребят, но одного было не вернуть — его прежней жизни. Короткой, но несметно дорогой.

Тави

— Мастер Дей. Прошу простить.

Открыв глаза, легат увидел пару мягких сапог с ремешками и напуск штанов в мелкую полоску. Пришёл чей-то денщик.

— М?

— Вас зовут в «Злой скоморох». Там собрались барды и ваши соратники.

Легат медленно сел и потёр щеку, догадываясь, что на ней отпечатались узоры ковра. Денщик протянул записку, из которой Дей узнал, что войско успешно распущено, казначейство готовит расчёт с наёмниками, в арсенале и лазаретах кипит работа.

Покидать дом решительно не хотелось.

— Без меня соратники с выпивкой не справятся? — спросил он денщика без особой надежды.

— Справятся, но все очень хотят вас видеть.

— Да хватит уже меня... видеть. Не насмотрелись за поход? Ну ладно, передай — буду.

Нельзя было сказать, что Дей испытывал слабость или недомогание. Он хотел спать, потому что сон получился необычайно приятным и глубоким. Перед тем, как прикорнуть прямо на полу в гостиной, он с большим трудом заставил себя привести в порядок эка после долгого пути. И вот нужно было снова возвращаться в седло.

До таверны Дей доехал, когда веселье уже поулеглось. Знакомая сивушная духота обняла его сразу за дверью, тихий стон смычковой харпы доносился со стороны очага, где обычно играли музыканты. Никто из знакомых поначалу не попался ему на глаза.

Синора помахала рукой издали, призывая за свой стол:

— Садись к нам, командир. Что пить будешь?

Теперь она была одета в простое чёрное платье с новой форменной накидкой и выглядела куда менее несчастной. Скорее, чуть рассеянной от выпивки — если верить батарее бутылок у ножки стола.

— То же, что и ты, — отмахнулся Дей. — А кто меня хотел видеть? Не знаешь?

— Я, — качнула головой Синора. — Стало скучно. Остальные — слабаки, сидят по домам. Эх, не то что раньше!..

Хорошее было начало. И без лишних глаз поблизости. За тем же столом напротив только дремал незнакомый доледе, а рядом с ним сидел с отсутствующим видом нарядный бард и печально тренькал на домре, глядя перед собой. Легат поздоровался, но ему не ответили.

— Он сегодня слишком много услышал, — Синора со смехом пихнула барда в плечо, едва не опрокинув назад.

— Ох уж эти творческие натуры, — проворчал Дей, устраиваясь рядом с подругой. — Показывай новый шлем, наверняка приволокла с собой.

Демоница радостно подхватила шлем, лежавший рядом с ней на лавке, и грохнула в середину стола. Дей одобритительно погладил алую гриву, ещё не выцветшую. Такую видно издали, при небольшом росте Синоры это было как нельзя кстати.

— Так, теперь табард. Поверх платья оригинально смотрится.

Она вскочила на лавку и, подбоченясь, продемонстрировала печать своей когорты, вышитую на груди. На ткани ещё угадывались складки от долгого хранения сложенной.

В порыве гордости Дей подхватил её выше колен и несколько раз крутанулся. Синора, смеясь, схватилась за его плечи.

Не каждый раз удавалось вернуться из-за мембраны, сохранив почти всех офицеров. Оставалось надеяться, что демоница не забудет, чьё место заняла и почему. Но это всё будет потом, когда долг снова позовёт их прочь из дома.

— Умница ты у нас, — Дей наконец поставил её на пол. — Меня прихлопнут — будешь осады проводить.

— Не-е-е-ет, если тебя убьют, я раскисну!

— Нельзя раскисать, не положено.

Вино полилось в возникший на краю стола стеклянный бокал, испуская сладкий дух. Служащий поклонился и исчез.

Легат подумал, что лучше бы принц забрал с собой всё вычурное барахло, а погреб не трогал. С другой стороны, желание промочить горло привело на пирушку к Синоре.

— Новый Рай, — заключил Дей, покатав на языке первые капли вина, — почти десертное. Соскучился по этому вкусу.

Бах! Что-то упало на втором этаже. За соседним столом задрали головы, будто могли видеть сквозь потолок.

Клевавший носом над своим бокалом незнакомец оживился то ли от резкого звука, то ли от поворота беседы:

— А я говорил! А она не верит! Говорит, жидковато для новорайского. Что с твоим языком, Синора?

— Обожгла на днях. Не об хрен инкуба, к сожалению, просто младшие нахимичили с гипокрасом.

Дей закашлялся. Да уж, доледе — не мастера заигрывать. Неужели он сам бы выдал сейчас нечто подобное, не упав тогда с высоты Шипа?

— Уф, тебе лишь бы глаза залить, — сварливо проговорил незнакомец, — Ну что за женщина! Хемнидаль Мефар, — представился он Дею. — Для твоей милости просто Хеми. Я... так сильно соскучился по ней, Синоре, слов нет! Но пить с ней... Лучше не пить с ней, в общем...

— Хеми тут после своей академии по вечерам расслабляется, — пояснила Синора.

— А на кого учишься, если не секрет? — Дей снова спрятал нос в бокале.

— Да так, на свою голову выбрал историю, — поморщился Хеми. — Уже не учусь, преподаю. Профессор.

— Интересные у тебя друзья, Синора. Я бы и со всеми прочими познакомился. Может, и у самого тогда их прибудет.

Синора поспешила, наконец, представить и легата, пока тот не пустился в печальные пояснения:

— Как ты понял, Хеми, это наш легендарный Дей Далестора. И если он — не самый умелый рубака из всех, то тогда помереть мне на чужбине! Честное слово, Дей, за тебя голову не жаль сложить.

Безымянный палец демоницы очерчивал круг за кругом по краю кубка. Хоть она и замыслила интересно провести вечер, но не напрашивалась сама. Украдкой разглядывая её, Дей тоже колебался и тянул время, болтая с ней ни о чём.

Таверна тем временем всё пустела. Хеми, не вязавший лыка, мурлыкал песенку. Бард безмолвно прилёг на лавку и поджал ноги, но глаза так и не закрыл. Сочинял в уме или думал о чём-то своём.

Когда легат уже почти решился лукаво улыбнуться Синоре и пригласить в свой необжитый ещё дом, в двух шагах от него образовался хозяин заведения.

— Ваше благородие! — Кабатчик почти плакал. — Умоляю... Убьют же кого.

— М?

— Там, наверху.

Дей оглядел таверну. Мало кто из посетителей был озабочен шумом, а вот прислуга скопилась внизу лестницы на второй этаж, не смея подняться.

Когда заканчивались военные действия, на плечи старших офицеров ложилось общественное спокойствие, так что увильнуть от разборок не вышло бы. Синора, к чести своей, мигом подобралась и посмотрела вопросительно.

— Сиди, я позову, — обронил легат.

Дей осторожно отодвинул с дороги кабатчика и зашагал по скрипучим ступенькам с прибитым к ним потёртым ковром. Со стороны одной из комнат доносились звуки ударов. Те так и сыпались на чьи-то бока. Судя по частоте, сразу с нескольких сторон.

Вздохнув, Дей распахнул дверь и увидел не людей, как он ожидал, а доледе. Очень молодых, едва ли дослужившихся до офицеров и скотски пьяных. При виде легата двое или трое выпрыгнули в окно, оборвав дерюжную штору, а один замешкался и попался.

— Чего шумим? — спросил легат, тряхнув за шкурку хулигана, но тот будто язык от страха проглотил.

Дей отвесил ему оплеуху, вышвырнул за дверь и поспешил к жертве.

На полу в луже крови и ликвора лежал инкуб.

— Ты меня слышишь? — легат нашарил медальон с именем. — Та... Тавилис, слышишь меня? Эй!

Тавилис только шумно дышал, глядя в потолок.

Нужно было вернуться в зал за подмогой. Там хищница Синора уже восседала на спине пойманного дебошира, подвываявшего от того, что ему выкрутили назад руки:

— Смотраться наружу хотел!

— Есть здесь врач? — громко спросил Дей у тех, кто ещё сидел за столами. — Избили инкуба, теряет кровь и ликвор.

Кто-то махнул рукой:

— Студент. Могу посмотреть.

Медик бегло проверил инкуба, влажно кашлявшего и пытавшегося самостоятельно встать.

— Ничего смертельно опасного, рассекли бровь и есть скальпированная рана. Ликвор только из сосуда в горле, не страшно. Ничего из него больше не течёт, хорошая свёртываемость. Завтра будет ясно, сильно ли получил по голове.

Дей предложил отнести инкуба в лазарет.

— О-о-о, не советую! — покачал головой медик, вытирая кровь с рук носовым платком. — Там всё занято после похода.

— Здесь я его тоже не оставляю, — решил легат. — Таверна у порта, здесь бывает полно проходимцев.

Медик пообещал прислать помощь в дом-крепость, как только станет возможным.

Пойманный Синорой хулиган стоял, опустив голову и морщась, — ему сломали пару пальцев. Дей спокойно расспросил, почему началась драка и кто в Дэре будет с этим разбираться. Оказалось, на общих учениях инкуб надерзил кому-то из особо заносчивых ребят, за что ему и устроили взбучку.

— На слова отвечают словами, — строго напомнил Дей. — Будь вы постарше — вменили бы измену. Или вы всё-таки на почве ненависти к инкубам это сделали?

— Нет! — ужаснулся неудачливый беглец. — Нет, что ты, мастер Дей!

— Иди отсюда.

Привыкшие выручать товарищей, Синора и Дей переложили пострадавшего на сорванный со стены плотный гобелен. Гостиничное покрывало вряд ли бы выдержало, шторы тоже доверия не внушали. Медик предупредил, что инкубу нельзя ехать верхом.

Дей скомандовал:

— Несём ко мне.

— Уф, сколько топать! — пробормотала Синора.

По дороге Дей, шедший впереди, несколько раз обернулся, пытаясь разглядеть лицо несчастного. Оно было смутно знакомым.

— По-моему, я тебя знаю... Где-то мы раньше виделись... Я ещё подумал: надо же, не один Асмодей у нас белобрысый. Позвать его?

Инкуб едва заметно покрутил головой.

— Что за жестокость-то такая оголтелая?! — в сердцах выдохнул Дей. — Помню, над солдатами из Келса посмеивались, задирали, но бить, да ещё толпой — никогда не били.

— Это уж точно, — отозвалась Синора. — Мы однажды возились во время купания на Оксе, играли, толкали друг друга в воду, каждый по паре синяков получил. И дурацких кличек. Инкубский командир меня случайно на камни бросил. Испугался пуще моего, долго потом просил прощения.

Наконец добравшись до дома, они сгрузили пострадавшего на софу в гостиной. Он не давал промыть раны и, что тревожило Дея сильнее всего, не отвечал на вопросы. Только кашлял и подвывал, глядя в потолок. Попытки разговорить его ничего не дали, и легат решил оставить юношу приходить в себя, наказав не вставать на ноги.

Синора тем временем уснула в кресле. Над её головой лиана раскрыла большой светлый цветок, весь матовый от пылицы.

— Ах вот как ты это делаешь, — прошептал легат. — Не спорю, отдых нам всем очень нужен.

Дей осторожно взял на руки дюжую демоницу, весившую как пара бочек пороха, и стал подниматься по лестнице, надеясь, что найдёт спальню на втором этаже. Так и случилось: за первой же дверью, массивной, но податливой, стояла кровать с многослойным балдахином. Дей удивился только, что она двухместная. Никак не мог принц довольствоваться таким скромным спальным местом. Видимо, за остальными дверями находились ещё несколько, и Асмодей пользовался ими по настроению, количеству приглашённых подруг, положению звёзд и прочим приметам, понятным ему одному.

Синора пошевелилась, когда почувствовала под собой перину.

— Спи, моя верная девочка, — прошептал ей Дей и сам провалился в зыбкий, затягивающий сон, едва успев стянуть сапоги.

Утром демоница выглядела подавленной. Она выскочила из кровати и спросила едва очнувшегося Дея:

— Я нужна тебе, легат?

И что тут ответишь? «Нет, ты мне не нужна» — звучит почти грубо. Да и ложь.

— Можешь идти, если хочешь.

Дверь хлопнула уже через секунду.

Синора явно сожалела о том, как прошёл вечер, хотя Дей так и не смог найти ничего плохого ни в её заигрываниях, ни в том, что они мирно уснули рядом. В ином случае тоже ничего предосудительного не случилось бы. Просто она была доледе. Из тех, кто не ценил никакой близости и чувств.

Нужно было проверить побитого инкуба. Запаха гари в воздухе не ощущалось: если бы сердце остановилось, вспыхнул бы вместе с софой, но всё же Дей спускался по лестнице осторожно. Не хотел резко увидеть что-нибудь печальное.

Тавилис лежал на том же месте и почти в той же нехорошей, вымученной позе. Он точно не спал.

— Доброе утро, Тави.

Тот только кивнул.

— Больно тебе, да? Или обидно? Или всё сразу? Потом расскажешь, как оно так случилось. Иногда плохо быть инкубом. Видел Синору, как она драпала сейчас от меня? Ящеры — они такие. Не любят нас до сих пор.

Тави ничего не говорил, но слушал, нервно хлопая глазами.

— Сейчас я тебе чай заварю. Хотя нет. Ты точно пьёшь кофе. Все из Келса пьют кофе. Кроме меня.

В ответ Тави только помотал головой и перевернулся лицом вниз. «Я опять кого-то расстроил», — подумал Дей. Но тут его новый знакомый завожился, вылезая из кителя, и с некоторым трудом убрал волосы с шеи. Кожа там вся почернела.

— Тебя душили! Как это я не догадался?.. Душили и повредили ликворный проток. Поэтому ты молчишь. Да-а-а! Сильно досталось. Медик скоро придёт, жди. Пойду поищу чаю себе, раз ты пока глотать не можешь.

Демоны уважали еду и напитки, хоть и нуждались в них почти в той же мере, что люди в курении. Красивая посуда и ценные сорта чая хранились прямо в гостиных, под стеклом различных вертикальных витрин, подсказывая темы для интересных бесед о вкусах.

Лиана потрянула листьями, подзывая нового хозяина к высокому шкафу. Асмодей, конечно, не мог упустить шанса похвастать диковинками: все полки внутри были уставлены цветными стеклянными чайницами, разнообразными коробочками и чашками из разных сервизов. Видимо, их родичам не поздоровилось, но у принца не поднялась рука избавиться от целых.

В колбе тёмного стекла с плотно притёртой крышкой Дей обнаружил подходящий сорт чая. Без добавок, но породистый и терпкий. В коробочки заглядывать не стоило: судя по цветастым картинкам, там хранилось что-то слишком вычурное.

Маленький лощёный заварник хорошо лёг в ладони, и лиана снова обратила на себя внимание. Как только Дей снял крышку, она опустилась ниже, и один из отростков лопнул, источая воду. Ровно столько, сколько было нужно. Немного магии — и чай заварился.

— Это хорошо, что ты живой, — продолжал Дей, обращаясь к Тави. — Во-первых, обидно умереть в мирное время. Во-вторых, все глупые головы слетят разом за убийство. Не думал, что ученики Дэры себе такое могут позволить. Лично я там лишнего шагу ступить боялся. Воспоминаний уже нет, кроме вот этого чувства, что ты обязан быть рыцарем или сдохнуть. В-третьих, мне срочно нужно кому-то поездить по ушам, а то голова скоро треснет от самокопания.

Тави в ответ удивлённо хмыкнул и устроился удобнее на софе.

— Так уж вышло, что я учился в двух местах. Про того единственного, кто упал с Шипа, ты, конечно, слышал.

Молчаливый собеседник кивнул. В его взгляде наконец-то появился интерес.

— Рассказать тебе, как я мыкался в Келса после Дэры? Ох, в двух словах не выйдет, но ты вроде не спешишь.

Дей выбрал себе простую лепную кружку с ровной глазурью и серебристым ободком. Она будто позвала из тёмного уголка, где притаилась, пропуская вперёд своих роскошных полупрозрачных подружек из звонкого фарфора. Не прогадал: от тепла свежего чая на дне засветилась голубоватая рыбка.

Осталось только сесть в кресло, придвинуться поближе к Тави и погрузиться в воспоминания.

Щенки

Командир по имени Торми то и дело вворачивал слова из мужского диалекта. Дей, разумеется, знал их, но пользовался крайне редко. Доледе разговаривали так с самыми близкими, а инкубы со всеми подряд, что делало их тон нагловатым.

— Emmerep, ну и весело ты живёшь. С Шипа осыпаться умудрился, — усмехнулся Торми. — Бедняга. Пока тебя определили в наш конт, а там поменяешься, если что-то пойдёт не так.

— Куда? — не понял Дей, едва нагоняя быстроногого собеседника, пока они шли к казармам.

— Конт. Ах да, у вас нет такого. Это четверо ребят, с кем надо подружиться, и чем теснее, тем лучше. Внутри конты все братья, всё общее. За провинность одного тоже отвечают все. Рара Kelsa никогда нас сильно не наказывает, а вот Саваор может наподдать, не рекомендую при нём идиотничать. При мне тоже.

Учебный день кончился, и в казармах вот-вот должны были дать отбой, но залы и порталы университета были светлы, и будто никто не собирался отдыхать.

После аскетичной Дэры Гиона-Келса напоминал пышный дворец. Повсюду висели громадные полотна с живописью, и растрескавшиеся древние рамы выдавали благородный возраст заведения, в эркерах и нишах высились статуи. Аудитории дышали резным деревом, эхо разносило отзвуки музыки и пения. На подоконниках сидели с книгами или просто болтали молодые инкубы. Когда в стайке студентов промелькнули серые чулки и подол платья, Дей даже развернулся.

— А разве суккубам сюда тоже можно?

— Конечно, — отозвался Торми. — Как ты себе представляешь жизнь на одном раздатке ликвора? Ты и сам можешь провести выходной у девчонок, они будут только рады.

— Вы разве не враждуете? Тарто и Келса же всё время соревнуются.

Торми хохотнул:

— «Хорошо ли тебе, рыба, без воды?», как говорит бог Вил.

Казармы располагались за стенами крепости, соединялись с ней коротким тоннелем. Вынырнув из него в один из длинных узких домов, Дей почувствовал облегчение. Стены приятно обступили его, высота потолков больше не кружила голову. Если университет был безупречно чист и светел, то в казарме царила небрежность и весьма условный порядок. Из шкафов свисали кальсоны, в нишах, где размещалось по пять коек, играли в тавлеи и карты. Подозрительное звяканье походило на бутылочное, но невозможно было понять, пили ли спиртное, потому что кругом разливался проклятый запах карамели или подпаленного солода. Запах инкубов, за версту щекотавший ноздри, превратился здесь в кисель.

У одной из ниш Торми остановился.

— Lög. Привёл новичка.

За выдвинутой между двумя кроватями тумбой шла оживлённая игра стопками монет по нарисованному на листке бумаги квадратам.

Дей не смог выдавить из себя дурацкое «lög» и поздоровался, как привык. Он так и не понял, проигнорировали его игроки или просто не услышали.

Спать он лёг сразу, как и командир. Засыпая, ждал подвоха, какой-нибудь шутки или проверки, но так и не дождался. В благоразумие инкубов он не верил, скорее, всё решила лень.

К подъёму заиграл рожок. Дей вскочил, по привычке зашарил в тумбе в поисках штанов и, только не найдя их, окончательно разлепил глаза. Под руку попадалось всё, кроме одежды: несколько пачек леденцов, перья для шляп, шпоры, винные пробки и прочий хлам, не имеющий отношения ни к войне, ни к учёбе. И тут он вспомнил, что вся одежда висит в громадном монолитном гардеробе напротив.

Его отсек был почти пустым, чужие ломались от одежды.

— Ребята, был сигнал. Ребята! — беспомощно проговорил Дей, глядя на то, как сигнал заставил его конт только перевернуться на другой бок.

— Ну был и был, — ответил Торми, натягивая на себя одеяло, — что теперь?

Повздыхав пару минут, командир медленно сел в койке. Мрачный, как скала у Сонного океана, поплёлся к гардеробу и устался на полки своего отсека. Покопавшись в сложенной одежде, сбросил на пол несколько штук чистого свёрнутого белья и китель.

— Пора это выкинуть.

Другой китель, старательно выглаженный, снял с вешалки и критически осмотрел. Наморщив нос, проговорил:

— Я же просил другую длину и алый подворотничок! В прачечной одни бездельники.

Близоруким заспанным взором он окинул уже одевшегося Дея и нахмурился.

— Твоя одёжка из Дэры? Нельзя, у нас другая форма. Забыл заказать, регге! Моя вина. На построение наденешь вот это. Сейчас остальное найдём.

Едва не выброшенный командирский китель, с которого Торми быстро оторвал знаки отличия, было очень приятно надеть. Плечи чуть свисали, под ремнём скопилось много складок, но всё равно, радостно отражаясь в зеркале, Дей чувствовал себя, по меньшей мере, трибуном на параде. Старую одежду он ревниво спрятал подальше на полку, поняв, что её тут же выкинут, если найдут.

На плацу стоял стол. На маленькой тарелке лежала горка розоватых рачков, дымящихся, только со сковородки. Рядом в каменной вазе свернулась гроздь матового новорайского винограда.

Некоторое время спустя на площадку не спеша вышел легат Саваор. Дей уже видел его несколько раз, правда, давно, когда тот ещё не прихрамывал. Легат махнул рукой подобно строя инкубов. Охнув, сел на резной табурет возле столика и закинул ногу на ногу.

— Доброго всем утра, щенята. Ну как спалось? — проговорил он надтреснутым голосом.

— Нормально... хорошо...

— А мне не очень. Погода, что ли, меняется?

Один из океанических гадов покинул тарелку. Его открученная глазастая головка упала на отполированные камни плаца. Легат шумно выпил из панциря сок и вытянул зубами мясистый хвост с прожилками.

— Что ж такое, опять с песком, — проворчал он, поморщившись точно как Торми, обнаруживший отсутствие щегольского подворотничка.

Дей потрясённо наблюдал за трапезой. Казалось, легат вовсе не собирался начинать учения или ревизию. Он прихлёбывал из бокала с прозрачной жидкостью, и Дей был готов поклясться, что это не вода, а, по меньшей мере, вино из хрустальных груш. В строю тем временем тихонько болтали и переминались с ноги на ногу.

Разделяваясь со следующим рачком, Саваор вдруг расплылся в улыбке и поднял глаза на новичка. Дей остолбенел. Оскалы инкубов казались ему глумливыми, скабрёзными. Кольцо в виде шуки, кусающей свой хвост, качнулось и хищно блеснуло в ухе легата.

— У вас такого не было, да? Бардака.

— Не было, легат, — ответил Дей.

— Привыкай. Ты теперь инкуб. Точнее, химера, но скоро никакой разницы не останется. Будет тяжело. Думаешь, мы здесь просто так кафетерий с удобствами устроили? Не-е-ет. Ты ещё не знаешь, что такое низкий болевой порог. Ты ещё не знаешь, что такое ликворный голод. Кстати, как сосуды, уже проросли?

— Не могу знать, мастер Саваор.

— Наверняка. В случае чего, девчонки здесь всегда есть. Кто-нибудь покажет тебе, как с ними быть. Чего стоишь как столб? Не нервничай, «смирно» я не командовал. Так. Сейчас распоряжусь выдать тебе нормальную форму. Э-м-м-м, если сосуды не проросли, то ты и поесть не сможешь. Возьми кофе в столовой, скажи, что я велел. И шлёпай сюда со стулом. Сегодня в меню только ликвор. А вы все — живо на завтрак.

Потолкавшись у раздачи, Дей добыл чашку кофе и покорно вернулся к Саваору. Легат кивком велел сесть. Он некоторое время молча продолжал чистить рачков и одного из них положил Дею на блюдце.

— Просто привыкаю к тебе. Все из Келса — наши детишки, мы знаем их как облупленных, а ты буквально с неба упал. Не хочешь учиться в главном корпусе Келса? На кого-нибудь другого? Ещё есть шанс отказаться.

Дей опешил. Ему и в голову таких мыслей не приходило.

— Но я тогда вообще не стану солдатом.

— Нет. Тебе оно надо?

— Я хочу защищать Тартар и весь...

— Ой, всё-всё, молчи! — скривился Саваор. — Аж мигрень от этой проповеди каждый раз. Смотри, до вечера разрешаю подумать, ну а дальше, считай, слово даёшь.

— Я даю слово сейчас.

Легат энергично кивнул, прикрыв глаза.

— Узнаю руку Астерота. Тяжёлая. Скажу тебе как взрослому: у нас тут другое. Гедонизм — слышал? Солдат должен развлекаться. Много, от души. Завтра тебе оторвёт конечности или выбьет глаза осколками, ты уже не погуляешь, как сегодня. Ты должен видеть, за что отдаёшь жизнь. Каждый день наедаться, каждый день задира́ть юбки, каждый день видеть картины и скульптуры, читать книги, слушать музыку. В соседних мирах отец за мешок зерна отдаёт своих сыновей в чужой гарнизон, и нет никакой гарантии, что они вернутся домой, зато семья будет сыта. Понимаешь? А у тебя всё есть. С горкой. Пока за это дерись. До остального ты не дорос ещё, потом поймёшь.

Через неделю Дей проникся к легату симпатией. Через месяц полюбил как отца или старшего брата. А через несколько циклов, во время внезапного прорыва Мёртвой Сестры, Саваора убили.

Дей тогда впервые задумался о том, как слепа и необратима смерть. Чем больше он сопротивлялся действительности, чем больше пытался выкинуть из головы смерть наставника, тем хуже и больнее ему становилось. Когда Дей сдался, то постиг сразу две важных вещи: Саваор мёртв, а новое тело вместе с новой судьбой нужно принять как должное. Никто не станет Дею другом на этом пути.

Рассказ пришлось прервать — к Тави пришёл медик. Поработал над заживлением и заставил принять немного ликвора для укрепления сил, после чего тот смог даже стоять, опираясь на софу, а потом и вовсе дошёл до кресла возле камина. Когда снова остались одни, Тави проговорил полушёпотом:

— Саваор...

— Слышал о нём? — оживился Дей. — Эх, всю жизнь мечтал стать таким же. Но даже на шаг не приблизился.

От тяжёлого вздоха пламя над дровами покачнулось.

Тави иронично наклонил голову.

— Нет, ты просто не знал его лично, — ответил Дей на безмолвное возражение. — Он был легендой.

— Твой конт?

— Мертвы все до одного.

— Прости.

— За что простить? Не ты их погубил. Они сделали своё дело. Я за них... Ладно.

Дей нервно поднялся с места и обхватил локти.

— Больше всего ненавижу гадать, где они сейчас. Душа меняется медленно. Вдруг теперь они там, где их никто не понимает? Или где их ненавидят? А они ничего поделать не могут. Просто другие. Пытаются быть как все. Как люди, например. Сговор — это правильно.

Сговор. Про него знали все. Даже те, кто не должен был знать, точно догадывались. Состоял он в том, что Люцифер и Мон с головой погрязли в кумовстве. Бог смерти, великий пастух, тихонько подталкивал освобождённые от тел души инкубов и доледе обратно в Тартар, хотя существовал уговор: никто не имел права узурпировать чьи-либо души. За это Мон тоже получал некие услуги, о которых было не так широко известно. Вроде бы они касались дел сердечных, о которых прочим богам знать не стоило.

Над углями уже реже взлетали мелкие искры, и Тави подкинул в камин ещё пару поленьев. Сухомор быстро занялся. Его запах всегда успокаивал демонов, напоминал об уюте ночёвок под открытым небом и былых путешествиях. Больше никакого смысла в каминах не существовало. Инкубы, суккубы, доледе, крёллы — никто не нуждался ни в тепле, ни в свете, зато вид открытого пламени дарил им уют и чувство дружеского плеча.

Следующие сутки, пока слабый ещё Тави поправлялся, Дей потратил на разбирательства. Скандал в Дэре вышел грандиозный, едва не полетели головы. Всех участников драки безжалостно выгнали с военной кафедры и отправили под личный надзор старших университета.

— Вот и всё, белобрысый, — сказал Дей, вернувшись домой. — Больше ты с ними на учениях не столкнёшься. Как самочувствие?

Тави наконец-то крепко стоял на ногах и мог сносно разговаривать. Он уже натянул китель с надорванным рукавом и явно собирался уходить.

— Немного штормит, но это ничего. Господин легат, не смею больше тратить твоё время. Огромное тебе спасибо... — чеканил Тави.

— А! — Дей перебил, будто и не слушал. — Я вспомнил, где тебя видел раньше. Это же с тобой мы, вроде, ночью варили ягодный соус? В самом начале этого похода, когда вас ещё брали к нам на передовую?

— Да, — стушевался Тави, — не то чтобы я готовить умел... Но было весело.

— Не стоило мне тогда столько пить, но хотелось отметить первый прорыв, ты попался под горячую руку. Смотрю, засобирался? Ну иди, иди, раз силы есть.

Тави поклонился:

— Я твой должник. Твой и Синоры. Если буду нужен, ищите меня в Войсе, домик с красной крышей у ручья. Что бы ни случилось и в любое время.

Три предложения

Молчание в тронном зале воцарилось всего на несколько секунд. Очень вязких, бесконечных секунд. Кривясь изумлённой улыбкой, князь переглядывался с присутствовавшими. С Мараксом, который переваривал текст письма не без усилий и тоже, видимо, не верил услышанному. С Деем, растерянно качавшим головой.

— Ты прочёл письмо без сокращений? — осторожно уточнил Люцифер.

— Да, — мологанский гонец побледнел и нервно сомкнул губы.

Гонец представился Кручей, окольным при Гейзерах. Нестарый ещё, крепко сбитый мужчина в сыромятной куртке держался хорошо, учитывая обстоятельства. Гости часто подмечали, что тронный зал чертога странно тесен и нахождение в такой близости от Люцифера их пугает. К тому же, человеческому глазу в Тартаре не хватало света.

— Там действительно нет никаких оскорблений? Или ты побоялся их произносить вслух?

— Нет, княже. Всё, что было в приглашении, я прочёл до единого слова.

Маракс молча выдохнул облако дыма себе под ноги. Гений среди доледе, главный советник никогда не торопился с выводами. Если уж он открывал рот, то сказанное им было безупречно взвешено.

— Исторический момент! — его тёмные ноздри всё ещё дымились, когда он начал говорить. — Несколько десятков поколений вожди Молга методично смешивали нас с грязью, будто за все наши заслуги перед мирами мы и слова доброго не заслужили. Даже жаль теперь их трудов. Я-то приготовился запоминать новые фигуры нецензурной брани. Стало быть, молодой Гейзер имеет свои взгляды?

— Как, говоришь, зовут твоего господина? — князь заинтересованно сцепил пальцы и подался вперёд.

— Верша.

— Верша, — повторил эхом Люцифер. — Приятное имя, но странное, он ведь не из рыбаков.

— Мы живём близко к морю, — уже вольнее заговорил гонец. — Его отец, Пар Гейзер, учил, что главное в жизни — провести её среди достойных, надёжных и честных. А чтобы собрать их вокруг себя, нужно стать уловистой сетью. Такой, чтобы мальки легко проскакивали, а крупная рыба застревала.

— А потом — на сковородку? — Люцифер испытующе сощурил ультрамариновые глаза.

Маракс тихо рыкнул в сторону князя. Остальные затаились, ожидая ответа гонца. Тот пожал плечами и парировал, собравшись с духом:

— Сначала — в садок.

— Узнаю Молг! — князь, добродушно улыбнувшись, хлопнул по подлокотнику. — Ах, какие были бы союзники! Если бы только сами захотели.

Испытующий, колкий взгляд оцарапал сыромятную куртку.

— Волю свою Верша в письме изъявил. От чистого сердца, — проговорил окольный.

— Было бы недурно, — вкрадчиво проговорил Люцифер, — если бы Молг навсегда перестал считать нас отхожей ямой и тайными друзьями отродий Мёртвой Сестры. И это в то время, как мои дети гибнут, вставая живым щитом между Мёртвой и прочими мирами. Я всегда уважал право Молга на сомнения. Сомнения и подозрения нередко спасают. Однако, — снова улыбнулся князь вежливо и кротко, — они бывают заразительны. Так что наладим наши отношения в самом корне. Коронация!

Кто бы удачнее украсил такое интересное событие? Дамы, посвящённые в посольскую науку? Бравые офицеры? У нас такое нередко сочетается в одной персоне. Наверняка ведь

приедут соседи, так что выбирай с умом, какими друзьями хвастаться. Я тронут письмом и готов идти навстречу.

— Женщины-то они, конечно, всё украсят, — охотно заговорил гонец, довольный, что князь сам вернулся к главному вопросу, — но очень просил наш наследник походом их не мучить. Дорога дальняя, да и через лес.

— Мои сын или дочь... — Люцифер покачал головой. — Эх, откажутся ведь наотрез, а заставлять их я не в праве. Они оба ректоры, надолго свои дела оставить не могут.

— Сказать по чести, Верша от такого посольства оробеет. Довольно будет попроще кого отправить.

Когда озорные яркие зрачки качнулись в сторону военных лидеров, Дею захотелось сжаться в грошик и укатиться под каменные лавки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.